

И. О. Фояков¹

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЖУРНАЛИСТА

Дорогие коллеги! Я в этой аудитории чувствую себя, пожалуй, динозавром, потому что нынешний год — особенный для меня: 50 лет назад я вступил в Союз журналистов. Членский билет этого Союза — старейший из моих действующих документов, единственный, на котором я изображен без бороды. Из этих 50 лет 36 отдано «Литературной газете»: сначала я был топором по Сибири, Уралу и Дальнему Востоку, потом — по Ленинграду и Северо-Западу. Теперь, наверное, не все помнят, чем была «Литературка» в 1960–1970-х: тираж до 6 млн, подписка разыгрывалась в лотерею. Нынешняя «Литературная газета», с которой я продолжаю эпизодически сотрудничать, — не в обиду ей будет сказано — лишь тень того, что было. Изменилось время: когда-то «Литературная газета» в силу ряда обстоятельств пользовалась повышенной степенью разрешенной смелости. Теперь по части безоглядности (употребим это слово, ибо понятие «смелость» в сегодняшних условиях несколько затуманилось: кого «боятся» в отсутствие цензуры и партийного диктата?) ее многие превосходят. Как бы то ни было, я хорошо помню и знаю то, что было, и могу сравнивать с тем, что есть.

«Свобода в небе крыльями качает. Все говорят. Никто не отвечает» — есть у меня такие стихотворные строчки. Свобода в печати — явление обоюдострое. Есть свобода говорить правду — хотя бы в меру твоего понимания. И есть свобода врать. Не лгать, а именно врать — безответственно и безоглядно. Нынешняя пресса очень много, порой чудовищно врет. Начиная с мелочей: в весьма известной газете, у известного автора нахожу упоминание об *узбекском поэте Джамбуле* (мол, черт их разберет, этих азиатов — кто узбек, а кто казах!). В кроссворде разгадываю: «Команда, за которую играл Всеволод Бобров...» По буквам получается: «Динамо». Но в «Динамо» Бобров не играл. Он был одним из корифеев ЦДКА — нынешнего ЦСКА!

С некоторых пор утвердилось мнение, что говорить правду — это значит непременно говорить горькое и страшное. Доброе слово — уже как бы изначально неправда. Горькое и страшное нельзя скрывать, но тут необходимы мера и такт. Я, например, вовсе не уверен, что так уж необходимы подробные репортажи с мест всяческих железнодорожных, авиа- и прочих катастроф, телеинтервью с убитыми горем родственниками погибших. Короткая скорбная информация с обязательным номером телефона горячей линии — этого достаточно. Но нет, надо пощекотать нервы, слететься, как мухи на свежую кровь. В одной из поездок я был свидетелем,

как «центр» по телефону отчитывал своего собора: «Что за информация ты нам даешь, у вас там что — *убийства хорошего нет?*» Было это, правда, еще в 1990-х. Но и сегодня иная информационная программа смотрится как криминальная сводка или репортаж из морга.

Газетный заголовок: «Поэт дарит счастье». О ком бы это? О ком-то из классиков, из выдающихся наших современников? Нет, трудно себе представить. Человек с мало-мальским талантом, а значит, и со вкусом, от подобного аншлага в ужасе отказался бы. А тут еще и подзаголовок имеется: «Стихи и песни NN объединяют столицы и поколения». Не слабо! И дальше — строк двести самых безудержных славословий в сугубо рекламной стилистике. Что характерно, ни одной стихотворной цитаты. И понятно: в другом тексте о том же авторе цитата была и о поэтическом совершенстве отнюдь не свидетельствовала. Я как-то попытался высказать в редакции свое недоумение относительно некоторых восторженных публикаций. И получил ответ: «Ты за свои публикации гонорар получать хочешь? Так вот чтобы мы могли платить своим авторам, мы должны зарабатывать деньги, прежде всего посредством рекламы». Могут удивиться, почему я не называю имени столь щедро прославляемого автора. Отвечу: прежде всего потому, что автор — женщина. И тексты ее, судя по известным мне отрывкам, в общем, не хуже сочинений многих других нынешних текстовиков, даже всемирно прославляемых по телевидению. Ничего не поделаешь: время такое.

Не будем обольщаться: не было, нет и не будет идеальных СМИ. Зависимость административная сменяется зависимостью экономической или сочетается с нею в разных пропорциях. Приходится работать с теми СМИ, которые есть. Другое дело, что СМИ нашего города сейчас находятся в упадке. Названий много, но тиражи незначительны. Незначительно, соответственно, и влияние. Тираж главной газеты города — «Санкт-Петербургских ведомостей» — 50 тыс. Это мизер для 5-миллионного города. Особенно если учесть, что, например, в немецком Франкфурте-на-Майне, где население в два с лишним раза меньше, выходит «Франкфуртер Альгемайне» с огромным тиражом и международным распространением. В отдаленной перспективе я представляю себе выходящую в нашем городе большую многополосную ежедневную газету с параллельным выпуском на главных европейских языках, распространяемую как минимум по всей Европе. Такое издание могло бы стать высокодоходным, богатым и, может быть, хоть в какой-то степени независимым.

* * *

О. С. КУЗИН: — Тема тиража российских газет сегодня одна из самых болезненных. Сегодня среднестатистический житель России тратит на просмотр телевизионных программ 3,5 часа в день, а на чтение газет и журналов (специально выделяю периодику) — 18 минут плюс 2 минуты за счет «желтизны».

Вот и ответ на вопрос о том, какой должна быть журналистика, какой она стремится быть. И еще одна цифра. Вы про Франкфурт вспомнили, Илья Олегович. У нас по соседству, в городе Хельсинки, живет чуть больше полумиллиона человек, а газета *Helsingin Sanomat* («Хельсинкские ведомости») имеет тираж 450 тыс. экземпляров, что превышает тираж одной нашей популярной газеты в 10 раз.

¹ Журналист, писатель (Санкт-Петербург).